

ЭЛЬВИРА
ФИЛИПОВИЧ

ОБ АКАДЕМИКЕ
Л.К.ЭРНСТЕ
НЕОФИЦИАЛЬНО

Эльвира Филипович

**Об академике Л. К.
Эрнсте неофициально**

«Издательские решения»

Филипович Э.

Об академике Л. К. Эрнсте неофициально /
Э. Филипович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852572-8

Академик Лев Константинович Эрнст, ученый с мировым именем, известен трудами в области генетики и селекции сельскохозяйственных животных. Гораздо менее знают о его работе по созданию математической модели анализа и прогнозирования развития животноводства, позволившей впервые в стране объективно выявлять факторы, которые сдерживают производство, и грамотно устранять их. Академик Л. К. Эрнст представлен в книге очень живо и не только как большой ученый, но и Человек.

ISBN 978-5-44-852572-8

© Филипович Э.
© Издательские решения

Содержание

Первое знакомство	6
Аспиранты, лошади и замдиректора ВИЖа	9
Молодой ученый	10
Л. К. Эрнст – директор ВИЖа, официальный и неофициальный	11
Генетик, селекционер, биотехнолог Эрнст и вопросы кормления	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Об академике Л. К. Эрнсте неофициально

Эльвира Филипович

Корректор Марина Генриховна Мамаева

Корректор Наталья Алексеевна Богомолова

Фотографии Э. Г. Филипович, А. М. Холманова, а также из архивов: Ю. Д. Клинского,
Р. К. Хомяковой, Иво Птака и свободного доступа Интернета

Фото автора Зузана Михалкова, г. Прага

© Эльвира Филипович, 2017

ISBN 978-5-4485-2572-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первое знакомство

Шла весна 1963 года. Вместе с группой ведущих специалистов по племенному делу животноводческих районов Алтая и Западной Сибири я находилась в командировке в учебном хозяйстве Всесоюзного НИИ животноводства в Быково. Директора зональных племенных станций, зоотехники-селекционеры сельхозуправлений с развитым животноводством и замдиректора крупных племенных хозяйств – все мы здесь были просто курсантами. Слушали лекции известных ученых-животноводов, корифеев. Жили студенческой жизнью в общежитии для курсантов, спали на узких железных койках с провисшими сетками и... были в кого-нибудь влюблены. Помню, у ребят, точнее у мужиков, предметом воздыханий была веселая в светлых кудряшках и в блузочке голубых тонов буфетчица Люба, а у женщин – преподаватель по селекции и генетике Лев Константинович Эрнст. Мы же, молодые женщины (всем около тридцати лет), между собой называли его просто Лева. Произносили это имя с какой-то особой бережностью, даже нежностью. «Лева на меня сегодня так посмотрел... Даже голова закружилась... А на меня он глаз положил еще позавчера» – хвастались друг перед дружкой замужние «девчонки». И мне тоже понравился молодой преподаватель. Его взгляд, умный и вдумчивый, запал в самое сердце, а его лекции будили мысль и вызывали наше общее восхищение. И еще: он, кажется, совершенно независим в своих научных взглядах. Например, о Лысенко, которого принято было считать тогда светочем науки, он говорил безо всякого почтения, а скорей с явным небрежением.

В перерыве я однажды подошла к Эрнсту и, выполняя поручение начальника и главного зоотехника нашего, то есть Хабаровского территориального сельхозуправления, спросила, не знает ли он, каким образом можно купить лысенковских гибридных быков, чтобы улучшить местное стадо. Эрнст одарил меня внимательным взглядом живых прекрасных глаз и сказал, что «лысенковскими быками уже и так не одно стадо попортили», что «Лысенко вовсе и не ученый»...

Ничего себе!!!

Потом, уже на лекции, долго рассказывал о системе селекции с помощью вычислительных машин.

Л. К. Эрнст в машинном зале созданной им лаборатории.

Как я поняла, он сам и являлся автором этой системы. Так увлеченно, так интересно рассказывать может именно сам разработчик. Если бы я уже не была в аспирантуре по кормлению (в Новосибирском институте), то обязательно бы к Эрнсту просилась.

Здание института животноводства (ВИЖ),

в 1963 году (перед пожаром)

Бывший Голицынский дворец превращен был в обычное здание коробку, сохранившее все же следы бывшего великолепия. Созданная Л. К. Эрнстом машиносчётная лаборатория занимала там все правое крыло здания с видом на Дубровицкую белокаменную церковь. В самой церкви расположился в то время склад стройматериалов.

Аспиранты, лошади и замдиректора ВИЖа

И вот я, как и мой муж, чех Иво Птак, в аспирантуре ВИЖа (Всесоюзного научно-исследовательского института животноводства). Но не у Эрнста, как мечталось, а как вышло: в отделе кормления сельскохозяйственных животных у профессора Томмэ Михаила Федоровича. Кратко расскажу о том времени. Это было, когда только что сгорел ВИЖ, и аспирантам, помимо своей работы по диссертации, приходилось заниматься восстановлением родной Альма-матер. «Сегодня на работы по расчистке и подготовке к ремонту двух смежных комнат, примыкающих к залу на 2-ом этаже, прошу выделить дополнительно пять аспирантов или одну лошадь», – писал в своей заявке в августе 1964 года замдиректора по хозяйственной части Лев Туркин. На аспирантах тогда буквально возили воду и... вывозили строительный мусор. Бесконечные субботники и воскресники не позволяли заняться собственно исследовательским делом. А сроки поджимали. И вот, отчаявшись, аспиранты начали масово «болеть». Придет, бывало, человек, посланный от Туркина, в аспирантское общежитие к ребятам, то есть дядям и тетям, а те лежат, градусники показывают – жар. И так длилось, пока вместо Льва Туркина не появился вдруг в общежитии Лев Эрнст. Оказывается, его тогда сделали И.О. замдиректора.

«Мужики! – обратился он к аспирантам. – Ваши градусники меня не интересуют. А докажите, что вы – не лошади и вообще никакая не скотина, что вы можете головой работать». Эрнста аспиранты обожали, в общежитии он был своим. Какие там градусники! Из всех комнат повыходили. Собрались в коридоре 2-го этажа. Все здоровыми оказались, готовыми исполнить любое задание дорогого Левы. Считали его своим, другом.

И Лев Константинович тогда обозначил весь фронт работы, то есть все, что нужно было выполнить перед тем, как прибудет в институт бригада ремонтников.

«Вот сейчас вы знаете, что все нужно успеть сделать. А теперь сами решайте, как это выполнить, каким образом, чтоб на это вы истратили сил и времени хотя бы раза в два меньше. Сразу скажу, если работать как раньше, по-старому, то и за два месяца не управимся... Думайте. Вы не лошади, а молодые ученые. Делайте, придумывайте, как лучше, а я помогу» ... Сказал – распалил ребят. И пошло, забродило в общежитии. Решили явиться на работы всем-всем, и девочкам тоже.

Опавшую штукатурку, мусор уже не вытаскивали ведрами по лестницам, а спускали вниз по канатам, не грузили на худые телеги, запряженные клячами, а собирали в огромный контейнер, из которого потом все перекидывали на пригнанный тем же Эрнстом из опытного хозяйства самосвал. И на работу выходили аспиранты уже без всякого списка, сами. И трудились-вкалывали, часов не считая. На все про все ушло чуть более недели... Потом в общежитии устроили дружеское «чаепитие». Лев Константинович праздновал со всеми. Из общежития аспиранты его торжественно вынесли на руках. До самого автобуса несли. Потому что сам Лев Константинович после такого аспирантского сабантуя был на собственных ногах не совсем устойчив, а главное, потому что его любили и очень-очень уважали...

Молодой ученый

Вскоре после ремонта в институте прошла конференция молодых ученых. Это была первая такая конференция в стране. Сначала доклады прослушивали в отделах и лабораториях. Потом каждого из отобранных на отдельных конференциях вызывал к себе в кабинет известный ученый-корифей Зубрилин Алексей Алексеевич. Почти у всех спрашивал: ну и что нового дали науке твои изыскания? Одни старались представить свои исследования чуть ли ни главными рычагами в подъеме производства молока и мяса в стране, другие довольно подробно и горячо говорили о несомненной мировой новизне собственных работ, пока профессор Зубрилин, весьма эрудированный, единой фразой не ставил взлетевшего высоко (в собственных глазах) молодого человека на землю, приводя данные, в принципе те же, но уже опубликованные, называя при этом журнал, чаще иностранный, где сие публиковалось... Впрочем, на конференцию молодых ученых он их выпускал: пусть не мировая новизна, а лишь в родном отечестве, однако: «Дерзайте, ребятки!». Молодыми считались до 35 лет.

Помню, как удивилась я, даже скорей обрадовалась, что среди нас был Лев Эрнст. «А тебя я уже корифеем считал, а ты вон оказывается, еще среди молодняка, – шутил Зубрилин. – Ладно, твои работы знаю. Достоин!» – сказал Зубрилин и внес фамилию Эрнста в число молодых ученых, кому предстояло выступать на итоговой конференции ВАСХНИЛ.

В ВАСХНИЛе нас, молодых ученых, оказалось, тьма. Полный зал! Каждому давали по пять минут времени. Первыми выходили по желанию. А потом вызывали. Вскоре стало ясно, что до меня очередь не дойдет: я одна из последних в алфавите. А вот Эрнста, несмотря на алфавит, вызвали где-то в середине второй половины сессии-конференции, когда внимание к докладывающему на трибуне ослабло настолько, что сквозь приглушенное многоголосое жужжание взбудораженных необычной встречей молодых людей уж и вовсе не слышать было выступающего с докладом.

Эрнсту сказали, что может занять более пяти минут, а точнее, столько времени, сколько потребуется: материал того заслуживает. Теперь не помню точно содержания его доклада, но вспоминаю, как он говорил. В зале, уже утомленном довольно нудными выступлениями по материалам отдельных опытов, стояла накаленная тишина. Говорил Лев Эрнст. Нет, не молодой, точнее не зеленый, как мы все, а маститый, умный, великий. Речь, полная свежих мыслей, была гениально четкой и ясной. Ему аплодировал весь зал.

Здание ВАСХНИЛ, где располагалось главное руководство сельскохозяйственной науки страны

и где проходил в 1966 году первый форум молодых ученых животноводов

Л. К. Эрнст – директор ВИЖа, официальный и неофициальный

Прошло несколько лет. Лев Константинович Эрнст стал директором нашего института. Появились новые лаборатории. Пришли десятки молодых сотрудников и не только сельхозников, но и биохимиков, биофизиков, биотехнологов, врачей... И даже математиков. Кстати сказать, математика Льва Животовского, как и других не сельхозников, Эрнст приглашал в наш институт, оценивая их лишь по двум признакам – работоспособности и уму. В институте появились научные сотрудники с медицинским образованием, с физическим, техническим и даже затрудняюсь сказать с каким (театральным, «киношным»?). Речь идет о нашем «культурнике», заведующем клубом, а позже продюсере, известном на всю страну создателе Сочинского «Кинотавра» Марке Рудинштейне... Кстати сказать, и математик Животовский стал со временем известным ученым-генетиком. А тогда в ВИЖе апробировали все новое, что касалось животноводства и могло бы дать эффект в народном хозяйстве. Организованы были новые лаборатории, в частности лаборатория трансплантации.

Была разработана методика оплодотворения коров зиготой коровы-донора. Одновременно разрабатывали, точнее, совершенствовали, технологии замораживания зародышей, т. е. зиготы. При этом все это ускоренно внедрялось в практику. Л. К. Эрнст был главным двигателем всей этой работы. Кабинет Эрнста был открыт для общения с сотрудниками до позднего вечера, то есть на многие часы после официального рабочего времени... Конечно же, общались только по делу.

Одновременно Л. К. Эрнст продолжал усовершенствование разработанной им вместе с Андреем Цалитисом из института животноводства в Сигулде и Николаем Басовским из Пушкино автоматической системы селекции сельскохозяйственных животных, созданной, по словам математика Льва Животовского, «...на основании селекционных индексов и анализа племенной информации»... Система «Селэкс» стала востребованной в нашей стране и в мире. Осваивать систему, делиться опытом по ее использованию приезжали из всех областей России, а также из республик, прежде всего прибалтийских.

Сподвижники и последователи академика Л. К. Эрнста академики Николай Стрекозов и Лев Животовский
Виж, 2013

«Мне всегда везло с замечательными людьми, – вспоминает бывший вижевец, освоивший знания по генетике, математик Лев Животовский. – Я всю жизнь буду с благодарностью вспоминать Льва Константиновича Эрнста, который дал мне полную свободу во всем и направлял мой интерес в сторону генетики и селекции».

С уходом Эрнста из института в связи с его повышением в должности работа чуточку замедлилась, но не замерла. Будучи Вице-президентом сельскохозяйственной академии, академик Эрнст никогда не терял связи с родным институтом. С новой силой все задвигалось, когда из-за рубежа поступило известие о рождении из замороженного зародыша живого существа. Этим «замороженным» был мышонок.

«Будет и теленок. У нас!» – сказал тогда академик Эрнст.

Приехал он в ВИЖ. Долго ходил в сопровождении директора и его заместителя по зданиям института, изыскивая помещение для лаборатории. Домик с перекошенной дверью, где размещались работавшие время от времени виварий и бойня, должен был стать самой современной операционной, захламленные складские помещения – цехом по замораживанию с новейшей аппаратурой, а часть коридора физиологического корпуса – вполне престижным кабинетом для заведующего новой лабораторией, к которому со временем будут приезжать за опытом из других стран...

– С этой работой не управиться и за год, – говорили хозяйственники.

– За год, если спать, а если рысью, то и месяца хватит. Я уже договорился с заводами: через месяц завезут оборудование, – отвечал на их возражения Эрнст... В то время еще не было у нас ни инструментов, ни нужного оборудования, да и купить было негде. Ведь и в других странах вопрос этот был на стадии разработки.

Вот как вспоминает о том времени Раиса Кузьминична Хомякова, бывшая сотрудница машиносчетной лаборатории, созданной Эрнстом в ВИЖе в начале шестидесятых: «Еще не было надежного, апробированного оборудования, а хорошие результаты уже были. Помню, как мне к подмышечной ямке в Москве, прямо в офисе Эрнста, его секретарша Галина привязывала стеклянный флакончик с живыми эмбрионами, взятыми от коров-доноров. И я везла эту драгоценность в Дубровицы, где уже были приготовлены коровы-реципиенты. Потом, конечно же, появилась специальная посуда для перевозки, термостаты. Лев Константинович, однако, ждать не любил».

Через полгода лаборатория сверкала... По-праздничному выглядели новые приборы и медицинское оборудование, первоначальное предназначение которых было совсем иным. Но их переделали, приспособили...

Только на инструменты и приборы было получено восемь авторских свидетельств.

– Приходилось работать и работать, – рассказывал тогдашний заведующий лабораторией трансплантации Николай Иванович Сергеев. – Академик держал нас на проводе. О ходе работы мы докладывали ему ежедневно, иногда в день по несколько раз. Он в свою очередь помогал нам решать вопросы быстрее.

Проблемы по технике получения эмбрионов и трансплантации их коровам-реципиентам пришлось решать методом апробации, так как надежных литературных данных в то время еще не было.

Уже через год после открытия лаборатории получен был ожидаемый результат: у беспородной первотелки-реципиента родился совсем на нее непохожий, породистый бычок. А еще через три года, в 1980 году, в Дубровицах родился теленок, развившийся из замороженного эмбриона. Его так и назвали Замороженный. Первый в мире такой теленок появился в 1979 году в Бельгии. Там работали над этой проблемой более десяти лет.

Л. К. Эрнст в организованной им в Виже лаборатории по трансплантации эмбрионов

«...Нам надо было сделать это в кратчайший срок, – вспоминал о том времени Н. И. Сергеев. – Когда кто-нибудь заикался о времени, академик Эрнст буквально закипал: «Нельзя нам ждать десять лет и год ждать нельзя. Надо за месяц освоить...»

И осваивали, разрабатывали методики, принимали и обучали стажеров из других институтов, старались внедрять в производство...

Академик Л. К. Эрнст на рабочем совещании по международному сотрудничеству в области генетики и биотехнологии

И все это было в то полусонное застойное брежневское время всеобщего пофигизма и процветания «несунов».

Генетик, селекционер, биотехнолог Эрнст и вопросы кормления

Деятельность Льва Константиновича, огромная, охватывающая многие коллективы научных работников ВИЖа и целого ряда институтов, не ограничивалась работами по селекции и разведению, по созданию автоматической системы «Селэкс», а также трудами по замораживанию и трансплантации эмбрионов, а затем и по генной инженерии, получении трансгенных животных. Эрнст понимал, что без решения вопросов по кормлению сельскохозяйственных животных успешное внедрение системы «Селэкс» возможно лишь в отдельно взятых хозяйствах, где достаточно кормов. А вся огромная страна СССР? А Казахстан, Поволжье, определенные зоны Сибири, где урожаи в большей степени зависят от Господа Бога? Как в тех условиях, в зонах с рискованным земледелием внедрять план селекции по улучшению породных качеств скота? Ведь при бескормице, на рационе в основном из соломы, местный беспородный скот худо-бедно зимует, выживает, тогда как породистые, высокопродуктивные животные просто погибают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.